

Online First

Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С.

Научная статья

УДК 327.51

JEL-КОД – F 68

doi:10.17323/1996-7845-2024-03-02

Система планирования деятельности НАТО в контексте положений Повестки «НАТО-2030» и Стратегической концепции НАТО 2022 г.¹

Е.А. Антюхова

Антюхова Екатерина Андреевна - доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (МГИМО); Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76; e.antyukhova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0860-4792.

Аннотация

Статья посвящена анализу ключевых аспектов актуальных изменений в системе военно-политического планирования Организации Североатлантического договора. В рамках постбиполярного миропорядка продолжается сложный процесс трансформации стратегических приоритетов деятельности и организационной структуры альянса. Его ключевым смыслом является эффективная адаптация НАТО к существенным изменениям, произошедшим в международной политике с момента принятия последней Стратегической концепции в 2010 г. Вместе с тем дальнейшее расширение и внутреннее укрепление военно-политического блока призвано обеспечить формирование структуры международного порядка соответствующей долгосрочным интересам США и их западных союзников.

Высокая динамика международных процессов и нарастающие противоречия ключевых трендов мирового развития обусловили необходимость оптимизации деятельности альянса и адаптации его функционального механизма к меняющимся условиям международной обстановки. Данная задача получила свое доктринальное оформление в рамках новой Стратегической концепции альянса, принятой на саммите в Мадриде 29 июня 2022 г. Научный анализ форм и механизмов адаптации НАТО к новым условиям функционирования предполагает эмпирическое рассмотрение и сравнительный анализ ключевых сфер деятельности альянса.

В рамках предпринятого исследования, на основании применения системного и структурного подходов, а также комплексного использования общенаучных и специальных методов политологического исследования, делается попытка анализа содержания нового доктринального документа как с точки зрения преемственности долгосрочных стратегических ориентиров деятельности НАТО, так и с позиции выявления новых компонентов в системе его военно-политического планирования. Отдельное внимание уделяется изменениям, связанным с концептуально обозначенными приоритетам стратегии альянса в сфере противостояния Российской Федерации и КНР.

Анализ противоречивых процессов, происходящих в НАТО в современных условиях и нашедших свое отражение в содержании Повестки «НАТО-2030» и Стратегической концепции 2022 г., представляется принципиально значимым как в контексте понимания логики развития всей структуры европейской и международной безопасности, так и с

¹ Статья поступила в редакцию 27.02.2024

точки зрения оценки перспектив дальнейшего развития взаимоотношений крупнейшего военно-политического блока с Российской Федерацией и другими ведущими акторами.

Ключевые слова: НАТО, Стратегическая концепция, международная безопасность, гибридные угрозы, стратегия «сдерживания».

Для цитирования: Антюхова Е.А. Система планирования деятельности НАТО в контексте положений Повестки «НАТО-2030» и Стратегической концепции НАТО 2022 г. // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 3. С. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-02

Введение

Складывающийся в первые десятилетия XXI в. новый полицентричный международный порядок характеризуется углублением внутренних противоречий и неравномерностью основных тенденций своего развития. В последние годы наблюдается углубление дисбаланса в различных сегментах международной системы и усиление конфронтационной составляющей во взаимоотношениях ее ключевых акторов. Одной из важных причин данного процесса является последовательное стремление ведущих международных акторов к активному продвижению собственной международной повестки. Значимую роль в формировании текущего состояния международной архитектуры безопасности играет намерение США и ряда других западных стран, объединенных в военно-политический блок НАТО, добиваться установления своего одностороннего глобального доминирования. Стратегия, направленная на противостояние Российской Федерации, КНР и другим альтернативным коллективному Западу центрам международного влияния, определяет в последние годы эволюцию всей системы институтов, объединяющих США и их западных союзников, включая Организацию Североатлантического договора.

В статье анализируются изменения, произошедшие в системе стратегического планирования НАТО в начале 2020-х гг. и нашедшие свое отражение в положениях Стратегической концепции НАТО-2022. Важным содержательным аспектом исследовательского процесса стало выявление приоритетных направлений деятельности альянса на основе определенного в содержании документа перечня вызовов и угроз коллективной безопасности. На основании проделанного анализа была предпринята попытка определения роли новой Стратегической концепции Североатлантического альянса в контексте долгосрочного процесса его трансформации, начавшегося с момента завершения Холодной войны. В основу методологии исследования положено применение структурного и функционального подходов к характеристике актуальных изменений, происходящих в системе стратегического планирования деятельности НАТО, а также их воздействия на эволюцию системы современных международных отношений.

Политический контекст и предпосылки появления новой стратегической доктрины Североатлантического альянса.

На протяжении большей части второй половины XX в. НАТО позиционировала себя в качестве регионального оборонительного блока, наиболее важные стороны деятельности которого нашли свое отражение в статьях 4-й и 5-й Вашингтонского договора. После завершения Холодной войны Организация Североатлантического договора постепенно утрачивала прежнюю роль регионального блока коллективной безопасности и трансформировалась в один из важных инструментов реализации глобальных военно-политических интересов США. Стратегическая концепция НАТО, принятая в 1999 г., явилась одним из важнейших этапов в истории Организации Североатлантического договора, положившим начало практическому внедрению новой глобальной философии альянса [Antyukhova, 2020: 74].

Стремительные изменения, происходившие на международной арене в течение последнего десятилетия, обусловили дискуссию относительно модернизации доктринальных подходов, сформулированных в Стратегической концепции альянса, принятой на саммите альянса в Лиссабоне в 2010 г. Необходимость принятия новой Стратегической концепции оказалась связанной также с появлением определенных внутренних сложностей, активизировавших дискуссию о степени соответствия нынешней архитектуры альянса актуальным вызовам современности. В экспертном сообществе существует точка зрения относительно возможного нарастания внутренних разногласий между США и европейскими союзниками, связанными с заметным смещением фокуса американских геополитических интересов на Азиатско-Тихоокеанский регион [Aleshin, 2020; Zolotarev, Trunov, 2019: 36-55; Kalachev, 2017: 16-28].

На основании решений Лондонского саммита НАТО, состоявшегося 3-4 декабря 2019 г., был инициирован процесс активных внутриблоковых консультаций и перспективного анализа различных сфер деятельности альянса, получившей общее наименование Повестки «НАТО-2030» [North Atlantic Treaty Organization, 2022b]. Осуществление координации данной аналитической работы было поручено генеральному секретарю альянса Й. Столтенбергу. Основная задача данной инициативы заключалась в адаптации деятельности военно-политического блока к актуальным международным процессам и определении долгосрочных ориентиров его дальнейшего развития. Модернизация стратегических ориентиров альянса была обусловлена также стремлением руководства блока усовершенствовать механизмы координации деятельности его различных структурных элементов и способствовать преодолению существующих внутренних разногласий, связанных с противоречиями между принципами коалиционной солидарности и национальными интересами стран-участниц [Korenev, 2023: 34].

В рамках внутриблоковых дискуссий 31 марта 2020 г. при генеральном секретаре альянса было создано несколько экспертных центров, включающих видных общественных и политических деятелей, из которых наиболее заметным явилась так называемая «группа мудрецов». В ее состав вошли десять известных политических деятелей, представлявших различные государства, входящие в состав блока. В аналитической работе приняли участие политические и военные эксперты из США, Великобритании, Канады, Германии, Франции, Италии, Нидерландов, Польши и Турции. Они предприняли попытку переосмыслить стратегические основы деятельности Организации Североатлантического договора с учетом концептуальных решений, принятых на саммитах в Уэльсе (2014 г.), Варшаве (2016 г.), Брюсселе (2017 и 2018 гг.) и Лондоне (2019 г.). Начало активной дискуссии относительно корректировки приоритетов деятельности НАТО было связано со стремлением западных элит обеспечить дальнейшую реализацию глобальных функций альянса с учетом актуальных изменений в международной обстановке [Jakštaitė-Confortola G., 2022: 83].

На основе проведенного анализа актуальных международных угроз и вызовов в ноябре 2020 г. «группой мудрецов» был представлен актуальный доклад «НАТО-2030: совместно в новую эру», объединивший около 140 различных предложений. В нем был сделан вывод о необходимости дальнейшей модернизации основных компонентов деятельности Организации Североатлантического договора в целях его «максимальной адаптации к меняющейся военно-политической обстановке» [North Atlantic Treaty Organization, 2020:5]. Предполагается, в частности, дальнейшее увеличение финансирования, расширение инфраструктуры и вовлечение новых информационных ресурсов для укрепления возможностей блока в сфере массовой пропаганды. В системе информационных инструментов деятельности альянса приоритетное значение отводится использованию современных цифровых технологий. Авторы доклада «полагают необходимым всестороннее развитие потенциала блока в области информационно-психологических операций. Кроме того, одной из важных проблем, обозначенных в докладе, стал вопрос о необходимости увеличения вклада членов блока в коллективные

усилия по укреплению военного потенциала блока и соответствующем увеличении доли военных расходов [North Atlantic Treaty Organization, 2020:5].

Основные положения аналитического доклада «НАТО-2030: совместно в новую эру» были вынесены на обсуждение саммита альянса в Брюсселе в июне 2021 г. В ходе дискуссий на полях саммита продолжилось согласование ключевых параметров дальнейшего развития военно-политического блока на период до 2030 г., включая актуализацию основных стратегических параметров его деятельности. В решениях саммита отмечалось, что будущая Стратегическая концепция призвана стать «...одним из наиболее амбициозных в истории альянса документов, ориентированных на его всестороннюю адаптацию к новой эре глобальной конкуренции и новым угрозам, включая терроризм, кибератаки, усиление соперничества в сфере передовых технологий, изменение климата», а также «... опасностям, вытекающим из агрессивных действий России и Китая» [North Atlantic Treaty Organization, 2021a].

В тексте Повестки «НАТО-2030» нашли отражение предложенные аналитиками девять принципиально важных направлений совершенствования деятельности альянса на 10-летний период. Авторами документа отмечалась необходимость перехода к более глобальному подходу в сфере обеспечения коллективной безопасности и международного порядка, «основанного на правилах, имеющих принципиальное значение для союзников и обеспечивающих их свободу и процветание...» [North Atlantic Treaty Organization, 2021a]. Данный справедливый, по мнению западного истеблишмента, международный порядок находится под «постоянным давлением» со стороны «авторитарных режимов», среди которых ведущее место отводится Российской Федерации и КНР [Bunde, Noetzel, 2023: 317].

Наряду с реализацией задач по развитию военного потенциала альянса и решением задач «сдерживания» потенциальных противников авторами документа отводилась особая роль укреплению «политического измерения» деятельности блока, что свидетельствует о сохранении и возможном углублении внутриблоковых противоречий на фоне появления новых вызовов интересам коллективного Запада. [North Atlantic Treaty Organization, 2021b: 1]. В данной связи, важная роль отводится повышению эффективности консультационных и координационных механизмов взаимодействия союзников. На основе политической консолидации блока предполагается также обеспечить дальнейшее совершенствование коллективных инструментов «сдерживания и обороны», включающих «укрепление военной мощи Североатлантического союза, продолжение увеличения расходов на оборону и модернизацию возможностей для защиты всех союзников от любой угрозы в любое время» [North Atlantic Treaty Organization, 2021b: 2]. В пункте 8-м документа была отмечена необходимость подготовки новой Стратегической концепции альянса, «описывающей общую обстановку в области безопасности, в которой действует Североатлантический союз, излагающей долгосрочную цель и основные задачи НАТО и определяющей стратегическое направление его политической и военной адаптации» [North Atlantic Treaty Organization, 2021b: 3]. В условиях осложнения международной обстановки новые стратегические подходы призваны обеспечить реализацию НАТО своей роли в качестве важного военно-политического инструмента в усиливающейся конкурентной борьбе ведущих мировых центров.

Итоги масштабной аналитической работы, осуществлявшейся на рубеже 2010-х – 2020-х гг., воплотились в проекте новой Стратегической концепции Организации Североатлантического договора, в своем окончательном виде согласованной и утвержденной представителями стран-членов блока на саммите, состоявшемся в конце июня 2022 г. в Мадриде.

Актуальные угрозы и вызовы в рамках новых стратегических подходов НАТО и пути совершенствования деятельности альянса.

Содержание новой Стратегической концепции строится вокруг базового элемента новой философии НАТО, связанного с утверждением роли альянса в качестве ключевого элемента безопасности, стабильности и предсказуемости дальнейшего развития евроатлантического региона. Наряду с этим предполагается дальнейшее повышение роли военно-политического блока в обеспечении устойчивости мирового порядка, развитие взаимосвязей со стратегическими партнерами, а также укрепление внутреннего единства и политической сплоченности [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. В рамках оформления новых стратегических ориентиров эксперты альянса стремились исходить из необходимости сохранения преемственности базовых задач, сформулированных в Лиссабонской концепции 2010 г. К их перечню относятся: обеспечение коллективной обороны, готовность к осуществлению урегулирования кризисных ситуаций, а также развитие сотрудничества с партнерами, находящимися вне блока.

Наиболее важным аспектом модернизации и адаптации стратегических установок альянса должно стать совершенствование политического механизма взаимодействия его участников, предполагающее оптимизацию и повышение оперативности принятия коллективных решений в рамках наиболее важных направлений деятельности. Как отмечает ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН Н.М. Яковлева: «Четко просматривается стремление усилить в рамках Североатлантического альянса центростремительные тенденции, что является реакцией на два фундаментальных явления: центробежные настроения в рядах НАТО, наметившиеся в последние годы...и кризис на Украине, переросший в первый масштабный военный конфликт современного периода международных отношений с участием стран-членов альянса и Российской Федерацией». [Yakovleva, 2022: 58]

Стратегической целью деятельности Организации Североатлантического договора на ближайшее десятилетие является «обеспечить... коллективную оборону от всех угроз со всех направлений» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Достижение данной цели предполагает реализацию ряда взаимосвязанных задач, включающих совершенствование политического консультативного механизма, повышение эффективности системы подготовки кадров, развитие оборонного потенциала, повышение устойчивости блока к угрозам и вызовам неконвенционального и гибридного характера, сохранение технологического преимущества США и их западных союзников над потенциальными конкурентами. В целом, новая редакция Стратегической концепции Североатлантического альянса предполагает реализацию трех, обозначенных ранее взаимосвязанных направлений деятельности, включающих сдерживание и оборону, предотвращение кризисов и кризисное регулирование, а также обеспечение безопасности на основе сотрудничества [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. В соответствии с рекомендациями экспертов, предполагается создание новой координирующей структуры, призванной осуществлять комплексный анализ и оценку текущей ситуации в целях своевременного обнаружения новых угроз и вызовов, возникающих в сферах компетенции альянса.

Преемственность по сравнению с содержанием Стратегической концепции 2010 г. связана также с заметным вниманием, которое отводится «ассиметричным» угрозам безопасности евроатлантического пространства, важная роль среди которых по-прежнему отводится угрозе терроризма. Как отмечается в тексте документа, «Негосударственные вооруженные группировки, включая транснациональные террористические сети и поддерживаемые государством субъекты, продолжают использовать конфликт и слабое управление для вербовки, мобилизации и расширения своего плацдарма» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Кроме того, возможными источниками угроз для членов альянса обозначаются: незаконная миграция, неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, а также сокращение доступности отдельных видов природных ресурсов, ухудшение климата, международная преступность и пиратство. Преемственным по отношению к предыдущим стратегическим концепциям

явилось также положение о потенциальной опасности для евроатлантического пространства, нестабильности на территории «глобального Юга» и конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Новым приоритетом деятельности Североатлантического альянса, нашедшим отражение в положениях Стратегической концепции 2022 г., обозначается противодействие невоенным средствам воздействия со стороны потенциальных противников, включая киберугрозы и использование информационных технологий в целях распространения пропаганды. В тексте документа подчеркивается, что «новые и прорывные технологии... изменяют характер конфликтов, приобретают все большее стратегическое значение и становятся ключевыми сферами глобальной конкуренции». [North Atlantic Treaty Organization, 2022a].

Важное внимание в рамках планирования деятельности НАТО на ближайшее десятилетие отводится расширению роли блока в решении энергетических и экологических проблем. Одним из практических механизмов осуществления данной функции предполагается реализация утвержденной в 2014 г. программы «Наука ради мира и безопасности», предусматривающей внедрение в военной сфере экологически чистых технологий. На фоне начавшейся в 2020 г. пандемии COVID-19 в качестве важного приоритета деятельности блока выделяется создание эффективной системы противодействия угрозам биогенного характера путем проведения мероприятий превентивного характера, а также подготовки необходимой инфраструктуры и материальной базы.

В ответ на возможные кибератаки, а также другие проявления «агрессивных действий гибридного характера», предусматривается возможность приведения в действие 5-й статьи Вашингтонского договора и более широкого применения механизма коллективных консультаций. В целях укрепления внутреннего единства блока его членам рекомендуется подтвердить верность общим принципам, а также общности понимания обязательств в вопросах взаимопомощи и коллективной обороны. С этой целью предполагается увеличить количество министерских консультаций в рамках координирующих структур альянса, а также создать в перспективе специальный центр по «обеспечению устойчивого развития демократии». Противоречия внутри блока предлагается урегулировать исключительно путем многосторонних переговоров и воздерживаться от односторонних действий [North Atlantic Treaty Organization, 2022a].

С учетом обозначенного в тексте документа перечня угроз и вызовов коллективной безопасности альянса в положениях Стратегической концепции формулируются концептуальные задачи его деятельности, вытекающие из логики решений, принятых в период 2014-2021 гг. и нашедших отражение в содержании Повестки «НАТО-2030». Обозначенные задачи объединяются вокруг ключевой цели, связанной с мобилизацией ресурсов альянса в противостоянии основным геополитическим противникам коллективного Запада и предполагающей использование максимального широкого перечня доступных инструментов. В тексте документа, в частности, подчеркивается: «Потенциал НАТО в области сдерживания и обороны основан на надлежащем сочетании ядерных и обычных сил и средств, а также сил и средств противоракетной обороны, дополненных космическими и кибернетическими средствами... Мы будем использовать военные и невоенные средства пропорциональным, согласованным и комплексным образом для реагирования на все угрозы нашей безопасности выбранным нами способом, в сроки и в областях по нашему усмотрению». [North Atlantic Treaty Organization, 2022a].

В рамках повышения эффективности и оперативности принятия решений руководящими структурами альянса рассматривается возможность расширения компетенции генерального секретаря по регулированию кадровых и финансовых вопросов без непосредственного участия Совета НАТО. Особое внимание при этом отводится необходимости быстрого принятия решений в условиях возможных кризисных ситуаций. В этих случаях продолжительность выработки решений руководящими структурами блока

не должна превышать суток. В условиях возникновения сложных кризисов допускается нарушение консенсусного механизма принятия решений и формирование ситуативных коалиций заинтересованных государств в случаях, если возникшая ситуация не требует непосредственного участия всех членов блока. Наряду с этим признается возможным ограничить перечень оснований для применения права «вето» на уровне деятельности рабочих структур альянса.

В целях оптимизации функционирования административной структуры блока предполагается не реже одного раза в пять лет осуществлять комплексную оценку результативности деятельности его основных профильных структур. Кроме того, признается необходимым осуществление периодической ротации персонала в различных структурных подразделениях, широкого внедрения в основных сегментах деятельности цифровых технологий, реализации программ повышения образовательного уровня и профессиональной переподготовки кадров, увеличения финансирования гражданских программ альянса.

Таким образом, существенная часть положений по совершенствованию деятельности НАТО отводится необходимости модификации отдельных организационных и процедурных компонентов деятельности блока. В то же время они не предполагают заметного пересмотра концептуальных основ и стратегических целей его функционирования, ориентированных на дальнейшую трансформацию НАТО из регионального оборонительного блока в глобальный инструмент военно-политического влияния коллективного Запада.

Решение стоящих перед альянсом стратегических задач предполагает также развитие всесторонних партнерских отношений и коалиционного сотрудничества со стратегически значимыми партнерами, к числу которых отнесены Украина, Грузия, Босния и Герцеговина [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. В рамках стратегии сдерживания противников Организации Североатлантического договора предполагается активизировать процесс кооперации членов блока в различных аспектах военной подготовки, развитие инициатив, связанных с расширением военного присутствия альянса в регионе Юго-Восточной Европы, совместную реализацию программ по противодействию угрозам в сфере кибербезопасности, а также освоению космического пространства. В данный перечень изначально были включены также Швеция и Финляндия, интеграция которых в состав альянса была резко активизирована в 2022 г. Отдельное внимание в геополитическом планировании НАТО отводится Индии, которая должна выполнять роль главного сдерживающего фактора в отношении влияния Китая в регионе Южной Азии.

Россия и Китай в рамках Стратегической концепции НАТО 2022 года и системы современного планирования деятельности альянса.

Одним из важных элементов новых стратегических инициатив явилось положение о радикальных изменениях в сфере международной безопасности, обусловленных возрождением геополитического противостояния НАТО с Российской Федерацией. В рамках актуализации угроз и вызовов безопасности евроатлантического пространства с 2014 г. ведущее место отводится «агрессивным военно-политическим действиям России», обозначающимся в качестве ключевого препятствия для нормализации отношений и развития двустороннего диалога.

В основу политики НАТО во взаимоотношениях с Российской Федерацией должно быть положено сочетание «предметного диалога и сильного сдерживания» [North Atlantic Treaty Organization, 2023a]. Одним из элементов стратегии Организации Североатлантического договора в отношении Российской Федерации признается также необходимость выработки «более жесткого подхода к санкциям» и преодоление возможных разногласий внутри союзников по данному вопросу. Важным условием для

реализации данной задачи обозначается тесная координация политики НАТО и ЕС [Simarovsky, Williams, 2021: 35].

Значительное влияние на трансформацию стратегических приоритетов деятельности Организации Североатлантического договора, нашедшую отражение в положениях новой Стратегической концепции, оказало начало специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины. Уже в конце февраля – марте 2022 г. руководящими структурами альянса были приняты решения о пересмотре прежнего формата взаимоотношений с Россией и принятии комплекса мер, направленных на расширение военного присутствия в регионе Восточной Европы за счет развертывания дополнительных сил быстрого реагирования, а также новых подразделений ВВС и ВМФ. Наряду с уже размещенными контингентами в Польше и Прибалтике в рамках Расширенного передового присутствия было решено сформировать новые многонациональные военные части в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. К лету 2022 г. общая численность американского контингента на территории Европы была увеличена до 100 тыс. чел. [Kaufman, Starr, 2023]. В период 2022-2024 гг. значительно возросло количество военных учений, осуществляемых альянсом в непосредственной близости от границ Российской Федерации. Согласно экспертным оценкам, данные военные маневры НАТО стали крупнейшими по своему масштабу с момента завершения Холодной войны [RBC, 2024a]. В 2022-2023 гг. в рамках блока был принят комплекс решений, предполагающий укрепление коллективного взаимодействия в сферах кибербезопасности и защиты информационной инфраструктуры, а также противодействия угрозам, связанным с распространением оружия массового уничтожения.

В заявлении чрезвычайного саммита глав государств и правительств стран-членов НАТО, состоявшемся 24 марта 2022 г., отмечалась необходимость комплексного изменения основных компонентов деятельности альянса «с учетом новых факторов международной обстановки» [North Atlantic Treaty Organization, 2024a]. Данные изменения предполагалось осуществлять в контексте ключевых положений Повестки «НАТО-2030». Наряду с политической поддержкой, руководство альянса приняло комплекс мер по оказанию военной помощи украинскому режиму. На основании решений саммитов в Мадриде (июнь 2022 г.) и Вильнюсе (июль 2023 г.) были существенно расширены параметры утвержденного в 2016 г. Всеобъемлющего пакета помощи для Украины и ее трансформации в «многолетнюю программу содействия... в восстановлении сектора безопасности и обороны и в переходе Украины к полной оперативной совместимости с НАТО...» [North Atlantic Treaty Organization, 2024b].

В рамках Стратегической концепции 2022 г. в качестве основных источников угроз безопасности евроатлантического пространства были отнесены: «проведение агрессивной политики в отношении соседних государств, применение «гибридных» инструментов дестабилизации членом альянса, наращивание различных компонентов военного потенциала, нарушение ряда норм международного права» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Деятельность Организации Североатлантического договора в сложившейся обстановке должна быть направлена на противостояние действиям Российской Федерации, направленным, по мнению авторов документа, на «нарушение европейской стабильности и подрыв глобального международного порядка... сложившегося в мире после завершения Холодной войны» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Как отмечает профессор дипломатической академии МИД России О.П. Иванов: «Принципиальное отличие от предыдущей концепции заключается в том, что НАТО отказывается от партнёрства с Россией и Россия официально провозглашается противником» [Ivanov, 2022: 12].

Особое место отводится дальнейшему укреплению военного потенциала на «восточном фланге» НАТО, предполагающему «гибкое сочетание ядерного потенциала и обычных вооруженных сил» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Данная стратегическая цель будет осуществляться за счет наращивания усилий европейских

членов блока, которые должны выполнить коллективные решения относительно увеличения уровня военных расходов. Отношения с Российской Федерацией при этом предполагается выстраивать исключительно с согласованных коалиционных позиций. Предусматривается также переход альянса к «более активному поведению» в «сфере обычного сдерживания», а также дальнейшее расширение военного присутствия в Восточной Европе, в первую очередь, в Польше, странах Балтии, а также «юго-восточной периферии» блока [Simarovsky, Williams, 2021: 36]. Данное направление деятельности возложено на Объединенную оперативную группу повышенной степени готовности, призванную усилить оперативные возможности боевых групп передового развертывания, размещенных на основании решений саммитов альянса 2014 и 2016 гг., в Польше и прибалтийских странах.

На основании основных положений Стратегической концепции планируется дальнейшая переработка всей системы оперативной документации, предполагающей принятие комплекса мер быстрого реагирования в случае «агрессивных действий» Российской Федерации в отношении членов блока. В целях их быстрого выполнения предполагается развертывание дополнительных элементов оперативно-стратегического управления, включая объединенное командование тыла в ФРГ, командный центр «Норфолк» в США, командование корпусного уровня в Польше и Румынии и командование многонациональных дивизий в Венгрии, Дании, Польше и Румынии [Kostyukov, 2021: 149-154]. При этом новая Стратегическая концепция НАТО, по мнению российского военного эксперта А.П. Леонкова, не предполагает прямого военного столкновения с Россией и ориентирует деятельность блока на ограничение происходящего военного конфликта «географическими границами Украины» [Leonkov, 2023].

Наряду с военным компонентом в ближайшей перспективе предполагается сосредоточить усилия альянса на информационном противостоянии с Российской Федерацией. В данной связи планируется создание при Международном секретариате НАТО специального управления общественной дипломатии, призванного координировать действия различных сегментов блока в информационной сфере.

Другими важными элементами информационного противоборства призваны стать открытый в Латвии Центр передового опыта в области стратегической пропаганды, а также открываемые на уровне штабов различных уровней органы по координации информационной деятельности. Заметное внимание в перечне механизмов противостояния с Российской Федерацией уделяется кибероперациям, для осуществления координации которых на разных уровнях структурной организации блока создаются специальные подразделения киберзащиты.

Система обучения на уровне Командования объединенных вооруженных сил НАТО и отдельных штабных структур альянса в рамках новых стратегических приоритетов переориентируется с задач кризисного реагирования на подготовку к ведению масштабных военных действий высокой степени интенсивности с примерно равным по мощи противником. С этой целью в ближайшие годы планируется продолжить реализацию единой программы военных учений, осуществляемых асинхронно в различных регионах, близких к территории Российской Федерации, – от Заполярья до бассейна Черного моря [North Atlantic Treaty Organization, 2023b].

Вместе с тем, стратегическая линия НАТО предусматривает возможность поддержания «ограниченного диалога» с Российской Федерацией по отдельным вопросам, имеющим актуальное значение для интересов альянса. В частности, речь идет о продолжении консультаций относительно механизмов реализации Соглашения об инцидентах на море, Соглашения о предотвращении опасных проявлений военной активности, а также договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) [North Atlantic Treaty Organization, 2023c]. Принципиально важной сферой двустороннего диалога остается, в частности, вопрос о контроле над ядерными вооружениями, являющийся одним из базовых элементов европейской системы безопасности. Одной из основ для развития

данного диалога могут стать решения о продлении до 2026 г. действия договора СНВ-III, принятые по итогам российско-американских консультаций.

Российское руководство в условиях стремительно нарастающей враждебности со стороны Организации Североатлантического договора, осуществляющей курс на подготовку к прямому военному столкновению с Российской Федерацией, демонстрирует твердую приверженность принципам защиты национальных интересов и обеспечения национальной безопасности. Оценивая решения, принятые на саммите НАТО в Мадриде, заместитель министра иностранных дел РФ А. Рябков в конце июня 2022 г. подчеркнул, что российская сторона оставляет за собой право на ответные шаги в связи с планами расширения военно-политического блока и увеличения его военного присутствия в Восточной Европе. По его словам, в свете новых доктринальных установок альянса Россия намерена твердо обеспечивать гарантии собственной безопасности [RBC, 2024c].

Анализ изменений, произошедших в последние годы в стратегии деятельности Организации Североатлантического договора, лег в основу ряда положений новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 31 марта 2023 г. В документе, в частности, подчеркивается, что «Рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности. Такой курс Запада приобрел всеобъемлющий характер и закреплен на доктринальном уровне» [President of Russia, 2024].

Важное место в перечне внешних угроз безопасности блока впервые было отведено КНР. Усиление внимания Североатлантического альянса к Китаю отражает наметившуюся в последние годы тенденцию к росту зависимости в сфере геополитических интересов коллективного Запада Евроатлантического и Индо-Тихоокеанского регионов. Кроме того, заметное обострение взаимоотношений Североатлантического альянса с КНР произошло после начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине и было напрямую связано с отказом китайской стороны поддержать антироссийские санкции. Нарастающее недовольство западных элит обусловлено и углубляющимся российско-китайским сотрудничеством в различных сферах [North Atlantic Treaty Organization, 2023b].

При этом вызовы, исходящие от Китая, согласно содержанию Стратегической концепции, носят преимущественно невоенный характер и представляют собой в основном применение экономических и информационных механизмов «мягкой силы», а также стремление к лидерству в сфере передовых технологий. На саммите НАТО в Лондоне в декабре 2019 г. рост влияния КНР впервые был обозначен в качестве одной из потенциальных угроз для безопасности альянса. Китайское направление стратегии НАТО строится при этом на сложном компромиссе интересов США и их европейских союзников. В то время как в американской внешней политике, особенно в период администрации Д. Трампа, все более заметным становился курс на противостояние росту влияния КНР в Азиатско-Тихоокеанском и других регионах мира, для многих стран ЕС Китай продолжает выступать в роли важнейшего торгового и инвестиционного партнера. В этом заключается причина определенной двойственности, которая до недавнего времени наблюдалась в стратегии НАТО по отношению к КНР.

В тексте Стратегической концепции 2022 г. впервые на уровне доктринальных документов НАТО констатируется: «Заявленные Китайской Народной Республикой (КНР)

амбициозные цели и политика принуждения бросают вызов нашим интересам, безопасности и ценностям» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. При этом Китай обозначается в качестве особого международного актора, обладающего широким набором «политических, экономических и военных инструментов», которые он стремится использовать в целях «расширения своего глобального присутствия и проецирования силы, не обеспечивая прозрачности в отношении своих стратегий, намерений и наращивания военной мощи» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. В рамках современного военно-политического планирования НАТО КНР рассматривается в качестве источника угроз, имеющих в целом гибридное и неконвенциональное измерение, связанных в основном с экономической, информационной сферами и киберпространством. Вместе с тем, в положениях Стратегической концепции 2022 г. политика китайского государства оценивается как наносящая «ущерб безопасности Североатлантического союза» и в долгосрочной перспективе направленная на подрыв международного порядка, основанного «на его правилах» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Особое место в перечне угроз, исходящих от КНР, занимает ее углубляющееся стратегическое взаимодействие с Российской Федерацией, имеющей своей целью, по мнению руководства НАТО, разрушение международного порядка и противоречащей ценностям и интересам альянса.

Несмотря на декларируемую в положениях Стратегии 2022 г. готовность к диалогу с КНР, авторы документа подчеркивают стремление «повышать нашу общую осведомленность, укреплять нашу устойчивость и готовность, а также осуществлять защиту от используемых КНР тактики принуждения и попыток расколоть Североатлантический союз» [North Atlantic Treaty Organization, 2022a]. Исходя из обозначенного перечня потенциальных угроз, предполагается принятие комплекса мер по обеспечению готовности альянса к противодействию потенциальным вызовам со стороны КНР, а также усовершенствование коллективного механизма обмена информацией относительно возможных асимметричных действий Китая в экономической, технологической и информационной сферах. В структуре Международного секретариата НАТО предполагается создать отдельное подразделение, призванное отслеживать и анализировать основные направления военно-политического сотрудничества Российской Федерации и КНР [North Atlantic Treaty Organization, 2022a].

Обозначение КНР в качестве одной из ключевых угроз интересам альянса является очевидным следствием трансформации геополитических интересов США, фокус которых в последний период смещается на Азиатско-Тихоокеанский регион. В рамках реализации долгосрочной стратегии расширения географических рамок деятельности НАТО американские политические элиты пытаются реализовать западнцентричную модель построения международного порядка. Деструктивность данного подхода неоднократно подчеркивалась представителями руководства КНР. В официальном комментарии китайского МИД, озвученном непосредственно после принятия новой Стратегической концепции Североатлантического альянса, отмечалось, что НАТО представляет собой «... системный вызов миру и стабильности во всем мире». Кроме того, представителями внешнеполитического руководства КНР был озвучен призыв к представителям западных элит отказаться от риторики и психологии времен Холодной войны [RBC, 2024b]. В последующий период руководители КНР неоднократно заявляли о необходимости преодоления блокового мышления и налаживания международного диалога, основанного на принципах равноправия и уважения взаимных интересов. В своем официальном заявлении на деловом саммите АТЭС, состоявшемся в Сан-Франциско в ноябре 2023 г., Председатель КНР Си Цзиньпин вновь заявил о недопустимости превращения АТР в новую зону геополитического противостояния, подчеркнув, что «этот регион... не должен быть втянут в новую холодную войну или блоковую конфронтацию» [1prime, 2023].

Содержание Стратегической концепции 2022 г. отражает сложившуюся инерцию геополитического мышления западных элит, связанную, в том числе, с глубокими

опасениями относительного укрепления альтернативных западных центров мирового влияния. Обоснованные возражения относительно применения альянсом военной силы за пределами собственной территории воспринимаются руководством США и его союзниками в качестве потенциальных «вызовов» и угроз». [Fan`, Kondakova, 2022: 128] Положения документа, касающиеся стратегии построения взаимоотношений НАТО с Российской Федерацией, позволяют сделать прогноз относительно дальнейшей деградации как двусторонней системы взаимоотношений, так и всей архитектуры международной и европейской региональной безопасности. Степень дальнейшего углубления двусторонней конфронтации будет зависеть от ряда факторов, ключевыми из которых следует обозначить характер дальнейшего развития военного конфликта на территории Украины, а также особенности динамики политических процессов в США и исход избирательной кампании в ноябре 2024 г. Практическая реализация положений новой Стратегической концепции Североатлантического альянса представляет собой прямую угрозу российским национальным интересам и требует принятия комплекса долгосрочных мер по обеспечению безопасности Российской Федерации и ее международных партнеров.

Заключение.

Появление Повестки «НАТО-2030», явившейся результатом сложной аналитической работы, а также утверждение в 2022 г. новой Стратегической концепции Организации Североатлантического договора отражают новый этап в процессе трансформации ее структурного устройства и доктринальных основ деятельности, начавшейся после завершения Холодной войны. В соответствии с позицией, обозначаемой администрацией Дж. Байдена, Организация Североатлантического договора должна выполнять роль важнейшего инструмента в противостоянии «глобальной демократии и авторитаризма» [The White House, 2021].

Основным смысловым содержанием происходящих изменений является стремление обеспечить в условиях стремительно меняющейся международной обстановки максимально полную реализацию интересов стран коллективного Запада в сфере их безопасности, а также противостояния ключевым геополитическим противникам. Важным новшеством Стратегической концепции НАТО 2022 г. стало позиционирование КНР в качестве одной из приоритетных угроз интересам военно-политического блока. Обозначенное в документе расширение сферы интересов НАТО на Индо-Тихоокеанский регион, а также стремление к дальнейшей активизации деятельности на постсоветском пространстве отражают долгосрочную тенденцию, связанную с реализацией «глобального измерения» деятельности альянса. В рамках формирующейся многополярной архитектуры миропорядка НАТО выступает в качестве одного из ключевых механизмов, с помощью которого страны коллективного Запада пытаются сохранить возникшие после распада СССР и роспуска Организации Варшавского договора элементы однополярного доминирования.

Система планирования альянса ориентирована на противодействие широкому спектру угроз и вызовов коллективной безопасности членов военно-политического блока, учитывающему в том числе опыт борьбы с последствиями пандемии COVID-19. Вместе с тем, основным содержанием деятельности НАТО обозначается противодействие угрозам военно-политического характера. Несмотря на упомянутый в тексте Стратегической концепции 2022 г. обширный список источников данных угроз, включающий как государственных, так и негосударственных акторов, ключевая роль в их перечне отводится основным геополитическим противникам коллективного Запада – Российской Федерации и КНР.

Действия Организации Североатлантического договора по «комплексному сдерживанию» Российской Федерации очевидным образом направлены на ослабление важных компонентов, обеспечивающих национальную безопасность России.

Принципиально важное значение для обеспечения российских национальных интересов в сфере безопасности представляет проблема дальнейшего территориального расширения НАТО. Особой угрозой в данной связи является присоединение к блоку Финляндии, имеющей обширную границу с Российской Федерацией и способную создать потенциальную угрозу российским морским и воздушным коммуникациям в Балтийском регионе.

Стратегическая концепция 2022 г., предполагающая систему шагов по адаптации деятельности альянса к актуальным проблемам современной международной системы, демонстрирует преемственность политической линии его развития в последние десятилетия. Она предполагает дальнейшее укрепление роли блока в качестве ключевого военно-политического инструмента обеспечения глобального лидерства США и построения выгодной им архитектуры мирового порядка. Стержневым смыслом новой концепции по-прежнему является натоцентризм, предусматривающий распространение сферы влияния альянса и проецирование его военной мощи в глобальном масштабе во многом в ущерб базовым компонентам международной безопасности, основанным на принципах Устава ООН. Данная тенденция основана на принципиальном нежелании западных элит развивать кооперативные механизмы в сфере обеспечения стабильности международного порядка.

Продолжение реализации стратегической линии альянса, нашедшее свое отражение в положениях Повестки «НАТО-2030», а также Стратегической концепции 2022 г., в обозримой перспективе будет означать дальнейшее усиление конфронтационной составляющей во взаимоотношениях Российской Федерации и Организации Североатлантического договора и углубление деградации существующих компонентов архитектуры европейской и международной безопасности.

Список источников (References)

1prime (2023) Si Czin'pin prizval ne vtyagivat' ATR v novuyu holodnuyu vojnu [Xi Jinping Urged Not to Involve the Asia-Pacific Region in a New Cold War]. 17 November. Available at: <https://1prime.ru/20231117/842290812.html> (accessed 4 April 2024) (in Russian).

Aleshin A. A. (2020) Doklad «НАТО 2030»: chto zhdat` ot al'yansa v nastupivshem desyatiletii [NATO 2030 Report: What to Expect From the Alliance in the Coming Decade]? IMEMO, 3 December. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/doklad-nato-2030-chto-zhdaty-ot-alyyansa-v-nastupivshem-desyatiletii> (accessed 12 August 2023) (in Russian).

Antyuxova E. A. (2020) NATO kak aktor mezhdunarodnoj bezopasnosti v usloviyax globalizacii [NATO as a Factor of International Security in the Context of Globalization]. *Mezhdunarodnaya bezopasnost': Global'nye i regional'nye sub"ekty* (M. M. Lebedeva, Yu. A. Nikitina (eds)). Moscow: Aspect Press Publishing House (in Russian).

Bunde T., Noetzel T. (2023) Unavoidable Tensions: The Liberal Path to Global NATO. *Contemporary Security Policy*, vol. 31, no 2, pp. 295–318. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/13523260.2010.491380>

Fan S., Kondakova K. S. (2022) Konceptual'nye osnovy deyatel'nosti NATO i SHOS i ih voploshchenie v rabote organizacij [The Conceptual Foundations of the Activities of NATO and the SCO and Their Implementation in the Work of Organizations]. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 4, pp. 124–47. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-04-05> (in Russian).

Ivanov O. P. (2022) Transformaciya NATO: ot potepleniya klimata do zamerzaniya v politike [The Transformation of NATO: From Climate Warming to Freezing in Politics]. *Nauchno-analiticheskij zhurnal "Obozrevatel'-Observer"*, no 11-12, pp. 5–17. Available at: http://www.doi.org/10.48137/2074-2975_2022_11-12_5 (in Russian).

Jakštaitė-Confortola G. (2022) US Foreign Policy During the Biden Presidency. *European Strategic Autonomy and Small States' Security* (G. Česnakas, J. Juozaitis (eds)). Taylor and Francis. Available at: <http://dx.doi.org/10.4324/9781003324867-6>

Kalachev D. N. (2017) Vnutrisistemny`e protivorechiya kak faktor razvitiya otnoshenij Rossiya-NATO [Intra-Systemic Contradictions as a Factor in the Development of Russia-NATO Relations]. *Tendencii i upravlenie*, no 1, pp. 16–28. Available at: <http://www.doi.org/10.7256/2454-0730.2017.1.16153> (in Russian).

Kaufman E., Starr B. (2022) The US Is Expected to Keep 100,000 Troops in Europe for Foreseeable Future in Face of Russian Threat, US Officials Say. CNN, 20 May. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/05/20/politics/us-troops-in-europe/index.html> (accessed 28 December 2023).

Korenev E. (2023) NATO-2030: Severoatlanticheskij al`yans zhdet transformaciya [NATO 2030: The North Atlantic Alliance Is Waiting for a Transformation]. *Materialy: Molodezhnaya sekciya Primakovskih chtenij: Global'nye problemy i miroporyadok posle COVID* (A. A. Burnina, N. V. Kardava, S. V. Rastoltsev, D. V. Stefanovich, T. I. Khaynatskaya (eds)). IMEMO. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2022/SMU-sbornik-PR2021-1.pdf> (accessed 14 August 2023) (in Russian).

Kostyukov I. O. (2021) Sostoyanie i perspektivy` razvitiya Severoatlanticheskogo soyuza [The State and Prospects of the Alliance's Development]. *Voennaya mysl'*, no 8, pp. 149–54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-severoatlanticheskogo-soyuza> (accessed 9 August 2023) (in Russian).

Leonkov A. (2023) «Ukrainskij kejs» SShA [The “Ukrainian Case” of the US]. *Star*, 9 February. Available at: <https://zvezdaweekly.ru/news/2023261036-LWT2u.html> (accessed 19 September 2023) (in Russian).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2020) NATO 2030: Making a Strong Alliance Even Stronger. Available at: <https://www.nato.int/nato2030/> (accessed 24 August 2023).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2020) NATO 2030: United for a New Era: Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General. 25 November. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed 13 August 2023).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2021a) Summit Communiqué. Brussels, 14 June. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed 13 August 2023).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2021b) NATO 2030. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/2106-factsheet-nato2030-en.pdf (accessed 15 April 2024).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2022a) The NATO 2022 Strategic Concept. Issued by the Heads of State and Government at the NATO Summit Meeting in Madrid on 29 June. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (accessed 5 April 2023).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2022b) The Readiness Action Plan (RAP). 21 September. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_119353.htm (accessed 15 August 2023).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2023a) The Alliance's Strategic Concept Approved by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Washington DC. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (accessed 2 August 2023) (in Russian).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2023b) Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Annual Conference of the Confederation of Norwegian Enterprise. 5 January. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_210445.htm (accessed 25 August 2023).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2023c) Otnosheniya s Rossiej [Relations With Russia]. 25 September. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50090.htm (accessed 7 September 2023) (in Russian).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2024a) Statement by the Heads of State and Government of NATO. Brussels, 24 March. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_193719.htm?selectedLocale=ru (accessed 12 March 2024) (in Russian).

North Atlantic Treaty Organization (NATO) (2024b) Relations With Ukraine. 26 July. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm? (accessed 13 March 2024) (in Russian).

President of Russia (2024) Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 g. № 229 Ob utverzhdenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Decree of the President of the Russian Federation No 229 31 March 2023, "On the Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation"]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (accessed 12 April 2024) (in Russian).

RBC (2024a) NATO nachalo v Evrope osnovnoj etap krupnejshih za 40 let uchenij. Oni prodlyatsya do 31 maya 2024 goda [NATO Has Begun the Main Stage of the Largest Exercises in Europe in 40 Years, They Will Last Until 31 May 2024]. 1 February. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2024/65ba23439a79472c1662c119> (accessed 28 February 2024) (in Russian).

RBC (2024b) Kitaj v otvet na strategiyu NATO nazval al'yans «sistemnym vyzovom miru» [China, in Response to the NATO Strategy, Called the Alliance a "Systemic Challenge to the World"]. 30 June. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/30/06/2022/62bd6aae9a794776db8d154c> (accessed 3 April 2024) (in Russian).

RBC (2024c) Chto oznachayut dlya Rossii resheniya sammita NATO [What Do the Decisions of the NATO Summit Mean for Russia]. 29 June. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/29/06/2022/62bc39f79a794716586fe3c6> (accessed 05 April 2024) (in Russian).

Simarovskiy M. D., Williams M. J. (2021) NATO-Russian Relations in an Era of Russian Aggression. *NATO 2030: Towards a New Strategic Concept and Beyond* (J. Blessing, K. Kjellström Elgin, N. M. Ewers-Peters (eds)). Washington DC: Foreign Policy Institute/Henry A. Kissinger Center for Global Affairs, Johns Hopkins University SAIS.

The White House (2021) Interim National Security Strategic Guidance. March. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed 1 August 2023).

Yakovleva N. M. (2022) NATO posle Madridskogo sammita (k 40-letiyu uchastiya Ispanii v Severoatlanticheskom al'yanse) [NATO After the Madrid Summit (on the 40th Anniversary of Spain's Participation in the North Atlantic Alliance)]. *Perspektivy: Elektronnyj zhurnal*, no 3, pp. 54–66. Available at: <http://www.doi.org/10.32726/2411-3417-2022-3-54-66> (in Russian).

Zolotarev V. A., Trunov F. O. (2019) Voprosy` obespecheniya atlanticheskoy solidarnosti evropejskix partnerov SShA na sovremennom e`tape [Issues of Ensuring Atlantic Solidarity of the European Partners of the United States at the Present Stage]. *Aktual'nye problemy Evropy*, no 1, pp. 36–55. Available at: <http://www.doi.org/10.31249/ape/2019.01.02> (in Russian).

The NATO Planning System in the Context of the Provisions of the NATO 2030 Agenda and the NATO 2022 Strategic Concept ²

E. Antyukhova

Ekaterina Antyukhova - Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor, Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University); 76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation; e.antyukhova@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0860-4792.

Abstract

This article is devoted to the analysis of key aspects of current changes in the system of military and political planning of the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Within the framework of the post-bipolar world order, a complex process of transformation of the strategic priorities of activities and organizational structure of the alliance is underway. Its key meaning is the effective adaptation of NATO to the significant changes that have occurred in international politics since the adoption of the last strategic concept in 2010. At the same time, the further expansion and internal strengthening of the military-political bloc is designed to ensure the formation of an international order consistent with the long-term interests of the United States and its western allies.

The dynamics of international processes and growing contradictions of the key trends of global development have necessitated the optimization of the activities of the alliance and the adaptation of its functional mechanism to changing international conditions. This task received its doctrinal formalization within the framework of the new strategic concept of the alliance, adopted at the Madrid summit on 29 June 2022. Scientific analysis of the forms and mechanisms of NATO's adaptation to new operating conditions involves empirical consideration and comparative analysis of the key areas of the activities of the alliance.

Within the framework of the undertaken research, based on the application of systemic and structural approaches, as well as the integrated use of general scientific and special methods of political science research, this article analyzes the content of the new doctrinal document both from the point of view of continuity of long-term strategic orientations of NATO's activities and from the position of identifying new components in its military-political planning system. Special attention is paid to the changes related to the conceptually defined priorities of the strategy of the alliance in the sphere of confrontation between the Russian Federation and the People's Republic of China (PRC).

The analysis of the contradictory processes taking place in NATO and reflected in the content of the NATO 2030 Agenda and the 2022 Strategic Concept seems to be fundamentally significant both in the context of understanding the logic of the development of the entire structure of European and international security and from the point of view of assessing the prospects for further development of relations between the largest military-political bloc and the Russian Federation and other leading actors.

² This article was submitted 27.02.2024

Keywords: NATO, strategic doctrine, international security, hybrid threats, containment strategy.

For citation: Antyukhova E. (2024) The NATO military and political planning system in the context of the provisions of the NATO 2030 Agenda and the NATO 2022 Strategic Concept. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 3, pp. (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-03-02